

**В СЕРИИ
«ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

Разрыв — трава горькая
Сквозь печальные туманы
Волки смотрят в лес
Отворите мне темницу
Горюч камень **Алатырь**

СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЕСТРЫ»:

Цветы запоздалые
Гори, письмо любви
Судьбою рвется нить

Анастасия Туманова

ГОРЮЧ КАМЕНЬ АЛАТЫРЬ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т83

Туманова, А.

Т83 Горюч камень Алатырь / А. Туманова. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. – 438 с. – (Полынь – сухие слёзы).

ISBN 978-5-521-92493-6

Ссылный студент-медик Михаил Иверзнев безответно влюблен в фельдшерицу заводской больницы – каторжанку Устинью. На заводе грянул бунт, Устинья бежала – а вместе с ней ее муж и дети. След беглецов затерялся... Неужели они погибли в зимней тайге?.. Вспышка дифтерита на заводе отвлекает доктора Иверзнева от тяжелых мыслей. Рискую жизнью, он спасает от страшной болезни дочь начальника завода. Юная Наташа с каждым днем все крепче влюбляется в своего спасителя. Но лишь появление на заводе знаменитого варшавского мятежника Стрежинского заставляет Михаила другими глазами посмотреть на робкую, деликатную барышню...

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92493-6

© Туманова А., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2021

Г Л А В А 1

Никита Владимирович Закатов, штабс-капитан в отставке, помещик и мировой посредник Бельского уезда Смоленской губернии, стоял у окна своего дома, смотрел на осенний дождь и слушал причитания экономки:

— Вот ведь напасть ещё, мало других... — бубнила Дунька. — Никита Владимирыч, да откуда эта самая дама взялась-то? И кто она вам будет? Молоденькая вовсе, а худа — в чём душа держится! Сидит, трясётся, губы так и прыгают... И мантильку свою Парашке не отдаёт, а ведь мокрая наскрозь!

— Дунька, ты лучше вот что... — У Закатова не было никакого настроения отвечать на Дунькины вопросы. Тем более, что ответов не было ни одного. — Собери обед. У меня маковой росинки с утра во рту не было. А у Александры Михайловны, боюсь, и того дольше. И приготовь комнату.

— Так, стало быть, надолго они?..

— Сам пока ещё не знаю, — нехотя отозвался Закатов. — Ступай распорядись насчёт обеда... а вечером, обещаю, я тебе предоставляю полный отчёт. Маняша спит? Она здорова была эти дни?

— Слава богу! — суровая Дунькина физиономия расплылась в улыбке. — Уж как вас дожидались, даже и не каприз-

ничали почти! Только что грустили, что Ворона заседлать без вас нельзя... Ну, уж теперь-то накатаетесь!

Дунька ушла. Вскоре из кухни донеслись фельдмаршальские раскаты её голоса. Закатов некоторое время ещё докуривал папиросу, глядя в окно, на дождь. Лицо штабс-капитана, — некрасивое, тёмное от загара, перерезанное шрамом, полученным в последнюю Крымскую кампанию, — казалось безразличным и даже слегка сонным. Однако, мозг Закатова работал бешено, торопясь оценить масштабы сделанной глупости. Папироса не помогла: глупость не убавилась в размерах. Извиняло Никиту лишь одно: поступить по-иному он попросту не мог.

«Делай что должен, и будь что будет, — с усмешкой напомнил он сам себе их с другом Мишкой любимую фразу. — Кто же это всё-таки сказал — Сенека или Марк Аврелий? Впрочем, какая разница... Теперь главное — что делать с этой девочкой?..»

Александрин ждала его в столовой, сидя на самом краешке стула, как институтка. Её худенькая фигурка в мешковатом, плохо сшитом чёрном платье была вытянута в струнку. С тяжёлой, мокрой мантильи капала на пол вода. Когда Закатов, прихрамывая (колено его было разворочено осколком ядра на Малаховом кургане семь лет назад и во время дождя мучительно ныло), вошёл в столовую, юная женщина повернула голову. С бледного личика взглянули большие, прозрачные глаза. Встав, она совсем по-ученически присела в реверансе.

— Господин Закатов, я...

— Прежде всего, позвольте всё же вашу накидку, Александра Михайловна, — мягко перебил её Закатов. — Она насквозь промокла, и вы замёрзли. Прошу вас пересесть ближе к печи. Сейчас будем обедать, и вы отдохнёте.

— Но я должна, вероятно...

— Вы ровным счётом ничего мне не должны, дитя моё.

Александрин снова испуганно посмотрела на него. Зака-тов смущённо подумал о том, что едва ли может обращаться так отечески к юной даме, которая была всего лет на десять моложе его самого. Но шрам и хромота делали Никиту много старше его тридцати двух лет, и впервые в жизни его это порадовало. Кроме того, ему не хотелось, чтобы гостя заметила его собственное смятение. За время обеда, решил Закатов, оба они смогут успокоиться, собраться с мыслями и подумать, что же делать далее.

Дунька оказалась на высоте: без единого лишнего слова ею были принесены щи со сметками, котлеты и оладьи с вареньем. Закатов был зверски голоден и накинулся на обед с воодушевлением. То, что Александрин почти ни к чему не прикасается, он заметил, лишь расправляясь с четвёртой котлетой.

— Вы не голодны, Александра Михайловна?

Она вымученно улыбнулась. Хотела ответить, но голос её сорвался. Встревоженный Закатов поднялся из-за стола.

— Может, вам лучше прилечь? Я не подумал, что вы, возможно...

— Не стоит... Право, не стоит! — чуть слышно отозвалась она. — Никита Владимирович... я, наверное, напрасно воспользовалась вашей добротой. Мне следует ехать дальше...

— Куда же вы поедете? — осторожно спросил он. — Вы совсем одна, нездоровы... и, полагаю, без денег.

Александрин молчала. Видно было, как она силится сдерживать рыдания, но губы её прыгали, и две крохотные слезинки уже ползли по щекам.

— Поймите, я не желаю вам ничего дурного, — как можно мягче проговорил Закатов, возвращаясь за стол. — И прошу вас не истолковывать превратно моё участие. Да, мы с вами не знакомы, но вашу приёмную мать и её семью я знаю много-много лет. Я никогда бы не простил себе, если бы оставил в беде дочь Веры Николаевны.

— Я... я сама виновата в своём положении, — сквозь слёзы выговорила Александрин. — И помочь мне не может никто.

— Ну, это как раз глупости, — с нарочитой беззаботностью отозвался Закатов. — Помочь человеку можно всегда. И поверьте, что в моём доме вас никто и никогда не обидит. И забрать вас отсюда против вашей воли тоже не сможет никто. Если вы желаете, я нынче же напишу княгине Тоневицкой о...

— Нет!!! — перебил его горестный вскрик. И Закатов испугался всерьёз, увидев, как страшно побледнело лицо Александрин. — Прошу вас, Никита Владимирович... не пишите никому... и позвольте, ради бога, позвольте мне уйти!

— Не позволю, — с добродушной суровостью сказал он. — Ещё не хватало, чтобы вы лишились чувств на мокрой дороге. И, разумеется, без вашего согласия я не предприму никаких мер. Прошу вас покуда кушать, Александра Михайловна. А после вы пойдёте отдохнуть.

— Но... у меня даже нет с собой одежды...

— Это поправимо. Возможно, вам подойдёт что-нибудь из вещей моей покойной супруги. Прошу вас, кушайте, Александра Михайловна. У Дуньки всегда отменные щи.

Александрин слабо улыбнулась, кивнула и взялась за ложку.

Она не съела и половины тарелки, уверяя, что сыта, но Закатов видел, что это не сытость, а тяжёлая, чугунная усталость. В конце концов он кивнул Парашке, и девка увела гостью в глубь дома — разоблачаться и отдыхать. Александрин была так измучена, что не возражала.

Оставшись один, Закатов собрался было улизнуть из дома на работы, дабы избежать, хотя бы до вечера, объяснений с Дунькой. Но проснулась трёхлетняя Маняша — и примчалась к отцу через весь дом, обгоняя нянек, с порога кинулась к нему на руки, заблестела чёрными глазами, затрясла кудряшками, смеясь и прыгая, торопливо рассказывая обо всех

своих важных делах, — и какие тут, помилуйте, могли быть работы?.. Они вместе напились чаю, пошли на конюшню. Там Закатов тщательно осмотрел своё сокровище — высоко-го, статного, чёрного как смоль пятилетку Ворона, для которого и не надеялся отыскать пару: хорошие лошади в Бельском уезде были наперечёт и стоили баснословных денег.

«Наверное, и покупать не стоило... — привычно сожалел Никита, оглаживая чёрную, гладкую, как атлас, шерсть красавца-жеребца и прекрасно понимая, что — всё равно купил бы. — Не ко двору этот князь... Откуда брать деньги на кобылу — уму непостижимо! Возможно, хотя бы к зиме, после продаж...»

Но Маняша не терпела его задумчивости. Вцепившись в рукав отца крепкими ручонками, она решительно потребовала седло, и верхом, и в поле! К счастью, дождь закончился, а оседлать Ворона было делом пяти минут. Отогнав конюха, Закатов с удовольствием сделал всё сам — и вскоре, посадив впереди себя в седло визжащую от восторга дочку, уже летел по скошенному жнивью навстречу багровому, словно кровью залившему тучи закату. И, как обычно, ринулись прочь тяжёлые мысли, отпустила тревога, легко и спокойно стало на сердце, а от звонкого смеха Маняши и её требовательных воплей: «Ещё! Ещё! Ворон, пошёл-пошёл!» хотелось смеяться вместе с нею — и не думать больше ни о чём.

Вместе с дочерью Закатов заехал на село, к старосте, переговаривал с ним об уездных новостях. Затем во двор ожидаемо набилась толпа мужиков со всего Болотеева, и Никите пришлось слово в слово повторить всё и для них. Новости были невесёлыми: землю по-прежнему не давали, а подписывать уставные грамоты как-то всё же нужно было. Привычно зарядившись терпением, Закатов отвечал на бесконечные: «Как же так-то, барин?», «Нешто господа не понимают, что мы без земли с голоду перемрём?», «Быть

того не может, чтобы сам государь этакий закон придумал!» и «А у нас-то земля останется?». В который раз Никита заверил встревоженных мужиков, что беспокоиться им не о чем: все прежние наделы останутся при них и платы за них он, хозяин, требовать не станет. Уже в сумерках он вернулся в усадьбу и, передав на руки Дуньке усталую дочку, понадеялся на то, что Маняша заснёт сама.

Не тут-то было.

— Тятя, тятя, тятя! Ска-а-а-азку!

— Не отвертитесь, барин! — усмехнулась Дунька. — Извольте про «Руслана и Людмилу» чин чином сказывать! Барышня в своём праве: две недели вас в доме не было!

Закатов покорно проследовал в детскую, дождался, пока Маняшу переоденут и умоют на ночь, и, сев рядом с дочкой на край её кровати, начал рассказывать наизусть «Руслана и Людмилу».

В конце концов, утомилась и Маняша. Закатов убедился, что дочка спит крепко, поправил её одеяло, задул свечу и тихо вышел из детской. В голове по-прежнему неустанно билась мысль о неожиданной гостье. О тех словах, которые вырвались у Александрин на постоялом дворе: «Он не муж мне!» Что это было — отчаяние, истерика, желание напугать? Или — правда? В любом случае, сделанного было не вернуть, а неприятности только начинались.

Обо всём этом Закатов рассказал Дуньке, оставшись, наконец, наедине с экономкой в своём кабинете. Дунька выслушала его, как всегда, молча, насупив рыжие брови и теребя в пальцах край фартука. Под конец тяжело вздохнула и вынесла вердикт:

— Уж будто своих глупостей вам мало, Никита Владимирович? Ещё и чужие по постоялым дворам собирать вздумали?

Никита неопределённо пожал плечами. Прошёлся по кабинету.